

Melikstva Khamsi

Raffi (Hakob Melik Hakobian)

Меликства Хамсы

Раффи (Акоп Мелик-Акопян)

Melikstva Khamsi

Copyright © 2018 by Indo-European Publishing
All rights reserved.

ISBN: 978-1-60444-853-5

Меликства Хамсы

© Индоевропейских Издание , 2018

ISBN: 978-1-60444-853-5

РАФФИ И ЕГО «МЕЛИКСТВА ХАМСЫ»

Крупнейший армянский исторический романист Раффи (1835-1888) создал свой труд «Меликства Хамсы» в начале 1880-х годов, когда еще только формировалось армянское национально-освободительное движение, и добровольческие отряды, вступившие в борьбу за спасение нации, нуждались в примерах патриотизма и мужества, почерпнутых из опыта героического прошлого.

Армянскому народу во второй половине XIX века приходилось решать те же сложные судьбоносные задачи, что и в предшествующие века. С утверждением русского господства в восточноармянских областях была обеспечена физическая безопасность армянского населения. Вместе с тем политику национального угнетения, проводимую царскими сатрапами, оно ощущало повсеместно. Что же касается Западной Армении, то здесь над армянами, обратившимися со своим протестом к Европе, властвовал турецкий террор. Горстка зейтунических смельчаков поднялась на героическую борьбу в защиту национальных и человеческих прав армян. И лицемерная Европа внимательно следила (да, только внимательно следила!) за исходом этой самоотверженной, но безнадежной борьбы.

Казалось, решение армянского вопроса зашло в тупик. Так думали многие. Но великие подвижники продолжали искать пути спасения, стремились определить те ориентиры, вокруг которых должен был сплотиться народ в своем движении к свободе.

Возможно, это лишь счастливое стечение обстоятельств, что Раффи вступил на литературную арену в тот момент, когда Хачатур Абовян и Микаэл Налбандян уже определили призвание и миссию армянского литературного деятеля как глашатая и выразителя свобододолюбивых устремлений народа, его национального духа.

Повезло ли Раффи или такова судьба великих национальных деятелей вообще? Ведь они рождаются всегда вовремя, когда обстоятельства складываются столь благоприятно, что, кажется, им остается только пройти предназначенный путь подвижничества.

Провидение предопределило Раффи родиться наследником торгового дома. Ему суждено было продолжить дело отца, однако, путешествуя по торговым делам из села в село, из города в город, из провинции в провинцию, он сумел изучить родной край, материальные и духовные памятники старины, ознакомиться с бытом, современным положением нации. Торговая деятельность Раффи не увенчалась успехом,

и он в короткое время разорился, но вместе с тем, благодаря ей, он обогатился, проникся увиденным и услышанным, в душу его властно вторглась огромная и жгучая боль за судьбу родной страны, которая осталась в нем навсегда и которой он остался верен до конца своих дней.

Если окинуть взглядом путь, пройденный Раффи, нельзя не прийти к убеждению, что уже первые шаги его были освящены требовательным девизом: «самоанализ и самопознание». Он был глубоко убежден, что тем же девизом должна руководствоваться и нация. Народ, не стремящийся познать собственную историю, свое прошлое, неизменно будет спотыкаться и блуждать на путях сегодняшних и грядущих. Народ, не стремящийся познать себя, не способен познать и своих друзей и недругов, он будет вечно плутать во мраке и невежестве, не ведая ни цены свободы, ни путей своего спасения.

В предисловиях к своим книгам, в теоретических и литературоведческих статьях Раффи постоянно говорил о высоком предназначении литературы, о ее огромной воспитательной, образовательной и просветительной роли. Это его мнение неизменно и неколебимо, начиная от юношески-восторженного предисловия к роману «Салби» до вершины его творчества — романа «Самвел». Армянин должен знать о героических деяниях своих далеких и близких предков, стремиться уподобиться им, самому стать воплощением прекрасного и героического. Читая же о недостойном, должен научиться избегать его и сопротивляться ему. «Народы, — писал Раффи, — видя картину собственных пороков и разложения, описание своих постыдных заблуждений, учатся исправлять и улучшать свое положение».

Правда, подобное понимание роли и назначения литературы ранее утвердилось в передовых кругах русской интеллигенции, однако для Раффи, несомненно, первоочередными были критерии и опыт древнеармянской книжности: ведь первые классики армянской литературы и историографии придерживались тех же принципов, об этом писали и того же требовали на вдохновенно-проповеднических страницах своих сочинений. Они были убеждены, что запечатленное в слове недостойное столь же поучительно, сколь и возвышенное.

«История — это духовная академия, это аудитория, в которой воспитывается будущее поколение, избегая ошибок своих предшественников и следуя примеру их достойных деяний» — таково кредо Раффи, почерпнутое из сокровищницы мудрости армянской историографии прошедших столетий, начиная от Мовсеса Хоренаци, Египшэ, Лазара Парбеци. Подобное же понимание роли и назначения писательского слова было присуще и продолжателям дела Раффи, прежде всего величайшему армянскому поэту, трезвому и глубокомысленному

наставнику нашего патриотизма Ованесу Туманяну. Армянин должен знать, «кто он, откуда и куда идет. И беды и испытания не станут для него уроками, пока история этих бед и испытаний не будет у него перед глазами, не проникнет в его сознание, пока он не поймет их смысла и философии».

Так Раффи продолжался в Туманяне, который видел в своем предшественнике безошибочный путеводитель армянской национальной жизни. Ведь именно Туманян спустя четверть века после смерти писателя, мысленно обращаясь к нему, говорил: «Ты научил нас жить истинно всем народом... Ты волшебной силой своего таланта вызвал из мрака прошлого и неизвестности будущего чарующие картины и героические образы...».

Есть счастливые народы, которым в их движении вперед нет нужды оборачиваться назад. Великий Александр Пушкин считал, что только варвары отворачиваются от истории: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего...». А для армянина его история всегда и повсюду была тем арсеналом, откуда он черпал силы для самозащиты и сохранения своего существования. Раффи не мог удовлетвориться только художественным сосозданием истории. Поэтому он даже в ткань своего «самого художественного» полотна — романа «Самвел» — вплел научно-историографическое исследование, способное вызвать зависть даже у современных нам ученых.

Раффи, имея на то полное право, с гордостью писал, что до него ученые, и не только они, с необъяснимым упорством утверждали, а, возможно, еще долго продолжали бы утверждать, что армянские княжества окончательно прекратили свое существование еще во времена татаро-монгольского владычества, после которого армянский народ не только не имел собственной государственной и политической жизни, но даже не испытывал нужды в ней. И вот он, восстав против этого «национального грабежа», извлек из-под вековой пыли, из устных и письменных источников «Меликства Хамсы», доказал, что государственная и политическая жизнь в Армении не угасала на протяжении всего средневековья вплоть до присоединения ее восточной части к России.

Ни для одной из своих книг Раффи не накопил такого огромного и богатого материала, как для книги об армянских меликствах. Книга, которая является глубоким научным исследованием и научной монографией и которая вместе с тем читается как увлекательное эпическое повествование, как «роман» о героической и трагической истории Арцах-Карабаха. Отсюда и необычайно нежное отношение автора к своему любимому детищу: «Эта книга — венец моих творений: ею я воскресил давно утраченную и забытую историю, ею я доказал, что

армянское княжество (т. е. государственность — Б. У.) существовало до нынешнего века. Это — большое дело».

Исходя из имевшихся в его распоряжении письменных источников — хроник, различных документов, памятных записей рукописей и т. д. (их критический обзор дал сам писатель на последних страницах своего труда), — Раффи определил конкретные хронологические рамки «Меликств Хамсы» — 1600-1827 годы. Большую часть этих материалов Раффи собрал во время своего путешествия по Сюнику и Арцаху. Научные принципы использования документов и величайшая добросовестность позволили автору воссоздать обстоятельную историю меликств в упомянутый период. В ней точны и достоверны и описания крупных, имевших общенациональное значение событий, и подробностей, имеющих второстепенное и третьестепенное значение. Все это подтверждается и появившимися впоследствии документами, и недавно обнаруженными источниковедческими материалами. Это относится прежде всего к сношениям меликств с русскими официальными кругами и царским двором, начиная с первых шагов Петра Великого и Исаела Ори до активных переговоров меликов с Екатериной

II

Обнаруженные впоследствии документы открывают во всю ширь следующую картину этих событий. Российская империя, давно вынашивавшая планы южных завоеваний, была заинтересована в решении армянского вопроса. Письма и грамоты армянских меликов и духовных лиц передавались влиятельным сановникам России через архиепископа армянской епархии в России Иосифа Аргутинского (Овсеп Аргутяна) и других армян, занимавших высокие государственные посты. Таким образом, освобождение армян, совпадавшее с южной программой России, стало предметом пристального внимания императорского двора. Были определены задачи Грузинского царства и армянских меликств в объединенной освободительной войне. Оставалось дожидаться появления русского войска в Дербентском проходе... Было определено политическое устройство Армении после объединения Закавказья с Россией. Ввиду того, что армянские мелики были инициаторами дипломатических связей с Россией и добровольного вхождения в состав империи, а также взяли на себя задачу оказания военной и продовольственной помощи русским войскам в намечающейся войне, в программу русской стороны входило устройство самостоятельного армянского политического образования. Но